

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-68-76>

Метафорическое осмысление жизненного пути и поиска смысла жизни в романе В. Пелевина «Непобедимое Солнце»

Ольга Альбертовна Дмитриева

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Аннотация. Статья посвящена изучению метафор и сравнений в современном художественном тексте. Материалом для исследования послужил роман В. О. Пелевина «Непобедимое Солнце» (2020). Цель данной статьи – проанализировать компаративные тропы, преимущественно объемные метафоры, с семантикой поиска смысла жизни в романе В. О. Пелевина «Непобедимое Солнце», а также определить сферу-источник таких метафор, которые зачастую обусловлены опытом и общественно-культурным окружением человека. Новизна исследования видится в малоизученности компаративных тропов в романах В. О. Пелевина. Основной метод – метод лингвистического, лексико-семантического и контекстуального анализа. Выявлено, что представление о мире как о симуляции интерпретируется посредством гаджетов и девайсов, создающих виртуальную реальность. Показано, что сам человек, его внутренний и внешний миры представляются ирреальными и репрезентируются виртуальными гаджетами и их комплектующими, а также процессами, подобными компьютерным (перенос и стирание информации, переформатирование и т. п.). Духовная жизнь человека осмысливается через ассоциации и сравнения с интернет-каналами. Потусторонний мир, его создатель и боги воплощаются с помощью проектора «Непобедимое Солнце». Все материальное, «земное», является иллюзией и симуляцией. Отмечается, что поиск пути, роль человека, его действия материализуются артефактными метафорами, а место человека определяется как нить в узоре на ткани мира. Делается вывод, что такое двойственное миропонимание и определение человека в мире в целом является типическим для В. О. Пелевина, идиостилем, доминантой его творчества.

Ключевые слова: В. Пелевин, компаративные тропы, метафора, сравнение, сфера-источник, семантика, лексика

Для цитирования: Дмитриева О. А. Метафорическое осмысление жизненного пути и поиска смысла жизни в романе В. Пелевина «Непобедимое Солнце» // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 68–76. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-68-76>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Metaphorical understanding of the life path and the search for the meaning of life in V. Pelevin's novel "The Invincible Sun"

Olga A. Dimitrieva

Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russia, olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Abstract. The paper explores the metaphors and similes in modern literary text. The material for the study was V. O. Pelevin's novel "The Invincible Sun" (2020). The paper aims to analyse the comparison tropes of the novel (mostly extended metaphors) with the semantics of the search for the meaning of life. Another goal is to identify the source domain of the metaphors which are often determined by experience and a person's socio-cultural environment. As comparison tropes in V. O. Pelevin's works are under-investigated, the study appears novel. The main method is linguo-stylistic, lexico-semantic, and contextual analysis. The research has revealed that the idea of the world as a simulation is interpreted through gadgets and devices creating virtual reality. It has been shown that the person himself, his inner and outer microcosms seem unreal and are represented by virtual gadgets and their components as well as computer-like processes (transfer and erasure of information, reformatting, and so on). The spiritual world of a person is interpreted through associations and comparisons with Internet channels. The Otherworld, its creator and gods are embodied with the help of the "Invincible Sun" projector. Everything material, or "earthly", is an illusion and a simulation.

The paper states that a person's search for their path, their role and actions are materialised by artefactual metaphors, and a person's place is defined as a thread in a pattern on the fabric of the world. The study concludes that such a two-fold world view and such a location of a person in the world are typical of V. O. Pelevin and his idiosyncrasy, i. e. they convey the dominant idea of his works.

Keywords: V. Pelevin, comparison tropes, metaphor, simile, source domain, semantics, vocabulary

For citation: Dimitrieva O. A. Metaphorical understanding of the life path and the search for the meaning of life in V. Pelevin's novel "The Invincible Sun". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(5):68–76. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-5-68-76>.

Введение. Изучению компаративных тропов в прозе XX–XXI вв., в частности метафор и сравнений, посвящено немало работ. С одной стороны, рассматриваются семантические группы метафор, определяются их источники, частеречная принадлежность и функции [Николина, Петрова 2020; 2021а; 2021б]. С другой стороны, выделяются работы, посвященные анализу художественного произведения и определению роли компаративных тропов в структуре произведения в целом (например: [Молнар, Николина 2019; Михеева 2021]). Следует отметить также исследования, касающиеся анализа идиостиля писателя. А. Н. Баранов пишет о значимости рассмотрения системы авторских метафор (на примере произведений А. Платонова), что позволяет «по-иному взглянуть на его творческий метод», выявить идиостилевые черты [Баранов, Электронный ресурс]. А. О. Ключерова рассматривает особенности миропорождающей (миромоделирующей) метафоры как репрезентанта авторского стиля на примере творчества А. Грина [Ключерова 2018]. Н. А. Николина, З. Ю. Петрова подразделяют тропы на концептуализирующие, «связанные с развитием сюжета романа... с его идейно-эстетическим содержанием» [Николина, Петрова 2019: 102] и несюжетобразующие, характеризующие второстепенных героев и окружающий мир [Там же: 107] и анализируют в этом аспекте роман Е. Водолазкина «Авиатор» и представленные в нем тропы. Для нашего исследования значимыми являются вышеприведенные положения о концептуализирующей роли метафоры, ее связи с идейно-эстетическим содержанием произведения и участия в миромоделировании, что в целом предопределяет особенности идиостиля автора.

Методы и материалы исследования. В литературоведении творчество В. О. Пелевина изучается довольно подробно: определяется место автора в постмодернистской

литературе, влияние на его произведения восточной философии (конфуцианства, дзен-буддизма), специфика авторского стиля и его творческий метод¹. С лингвистической точки зрения, в работах, посвященных творчеству В. О. Пелевина, уделяется внимание языковой игре [Иванова 2011], определенному типу лексических единиц, таких как ориентализмы, англицизмы, разговорная лексика, арго [Иванова, Черникова 2019], концептам («Мир», «Человек», «Пространство», «Время»² и т. п.). Метафора в произведениях Пелевина изучается как средство создания многомерного мира [Михеева 2021], виртуальной реальности [Димитриева 2021; Надозирная 2015] и др.

Предметом рассмотрения данной статьи являются компаративные тропы, репрезентирующие процесс поиска смысла жизни и жизненного пути. Материалом для исследования послужил роман В. О. Пелевина «Непобедимое Солнце» (2020). Цель данной статьи — анализ компаративных тропов (преимущественно метафор) с семантикой поиска смысла жизни в романе В. О. Пелевина «Непобедимое Солнце» и определение сферы-источника таких метафор, которые, как правило, обусловлены опытом и культурным «контекстом» человека. Основным методом исследования является лингвостилистический, лексико-семантический и контекстуальный анализ.

¹ Обзор работ см. в диссертационных исследованиях: Зарубина Д. Н. Универсалии в романном творчестве В. О. Пелевина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 18 с.; Нечепуренко Д. В. Характерология В. О. Пелевина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 19 с.

² Орешко М. А. Лексическая репрезентация художественной концептосферы Виктора Пелевина (концепты «Человек», «Пространство», «Время»): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 177 с.

Персонафикация, олицетворение жизни и судьбы. Персонафикация жизни и времени характерна для многих авторов. Так, А. Н. Баранов отмечает, что жизнь и время в произведениях А. Платонова часто олицетворяются, становятся «мировоззренческими константами», к которым автор постоянно обращается [Баранов, Электронный ресурс: 8]. В романе В. Пелевина жизнь также приобретает антропоморфные черты: физические характеристики, определенный стиль, манеру поведения, ментальные способности и предпочтения. Приведем примеры:

Я обожаю всяческий символизм. То есть когда жизнь рифмует. <...> Мы как бы разясняем толстозадой неповоротливой судьбе, какой хотим ее видеть, и иногда она понимает намек;

Ты символов хочешь, сказала товарищ жизнь, их есть у меня...;

Так вот пытаешься что-то разяснить жизни, а она разясняет тебе. Жизнь ведь тоже любит намеки и рифмы³.

А. Молнар, Н. А. Николина отмечают, что для современной прозы характерно «обращение к объемным метафорам», их взаимодействие со сравнениями и в то же время непосредственная «связь с прямыми обозначениями реалий» [Молнар, Николина 2019: 96]. Такие объемные метафоры часто используются в произведениях В. Пелевина. Приведем в качестве примера оценку женского возраста сквозь призму кулинарного кода, в котором женщина уподобляется хлебобулочному изделию:

Потому что в двадцать ты косилась на тридцатилетних и называла их про себя «тетками». А теперь все поменялось местами. Нет, ты еще не тетка, но больше не сырое тесто, из которого жизнь что-то такое вдохновенно лепит. В тридцатник ты уже готовый батон... Вот оно, слово — батон. В двадцать твоё тесто еще поднимается, набирает высоту и, даже если все вокруг твердят, что дальше по ходу конвейера — печка, это «там» еще не здесь. А в тридцать уже нет никакого «там». В тридцать выясняется, что тебя уже испекли. <...> Вот так же, как сейчас, только с каждым днем твой батон будет немного черстветь, жизнь будет отщипывать от тебя по кусочку, и в конце концов останется старческий сухарик. Горбушка-бабушка.

³ Здесь и далее текст романа цит. по: Пелевин В. О. Непобедимое Солнце. М.: Эксмо, 2021. 704 с.

Цепочка сырое тесто — готовый батон — старческий сухарик маркирует определенный возраст: первому «состоянию» соответствует девушка около двадцати лет, вторым этапом является возраст тридцать лет, причем эти состояния связываются с локализацией, описываемой как здесь (на конвейере до печки) и там (после печки). Обратим внимание также на то, что в выражениях *твое тесто еще поднимается, набирает высоту, твой батон будет понемногу черстветь* отражается рефлексия героини по поводу собственного тела как оценочный взгляд со стороны. Жизнь персонафицируется, выступает в роли создателя-пекаря: *жизнь вдохновенно лепит; тебя уже испекли; жизнь будет отщипывать от тебя по кусочку*. Глаголы *лепить, испечь, отщипывать (по кусочку)* репрезентируют последовательность этапов приготовления пищи и постепенного ее поглощения. Активность жизни как креатора соотносится с пассивностью женщины как объекта кулинарного воздействия.

Приведенный пример несколько отличается от подобных, типичных для описания внешности женщины и ее форм — через традиционные «хлебобулочные» образы, такие как *пышка* («толстый, пухлый человек (преимущественно о ребенке или женщине)»⁴, *булочка* («полный человек (преимущественно женщины) с пышными округлыми формами»⁵, *пончик* («полный человек»⁶) и др. Как отмечают Н. А. Николина, З. Ю. Петрова, гастрономическая лексика в современной прозе при характеристике женщины часто содержит компонент «сладкий», и женщина сравнивается с *тортом, ромовой бабой, зефиром* и т. п. (см. подробнее: [Николина, Петрова 2021б: 78]).

Поиск смысла жизни/истины. Поиск смысла жизни представляется автором в двух направлениях: (1) внутренние искания героя и (2) помощь со стороны окружения, внешнее влияние.

⁴ Словарь русской пищевой метафоры: в 3 т. / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. Т. 1: Блюда и продукты питания. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. С. 121 (СРПМ). <http://doi.org/0.17223/978-5-7511-2341-3>.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 117.

Духовный поиск в романе «овеществляется», материализуется с помощью такого аксессуара, как бусы (ожерелье, бижутерия):

Дело в том, что я знала, куда поеду... Это был мой шанс *тряхнуть бусами*. Вернее, *одной очень интересной бусиной*, может быть, самой красивой и загадочной *во всем моем ожерелье*. *Бусиной*, про которую кроме меня не знал никто... [политолог Егор] – Вот посмотри на себя. Ты каждый день делаешь йогу на коврике, как будто молишься. Моталась в Индии по каким-то мутным ашрамам. Регулярно делаешь вид, что медитируешь, и тогда рядом с тобой даже половицей нельзя скрипнуть. Читаешь разное эзотерическое фуфло, на котором умные люди зарабатывают. Ты хоть понимаешь, что это все такое? <...> – *Бусы!* – поднял он палец. – Это просто *твои бусы*. *Виртуальная связка духовных сокровищ*, которую ты предъявишь своему благоверному вместо приданого в обмен на... <...> – Но ты *наводишь на себя марафет* не только перед физическим зеркалом. Ты, как и любая другая продвинутая девушка, *собираешь коллекцию* всего самого крутого, красивого, няшного и звонкого, что только может предложить окружающая тебя реальность, и *украшаешь* себя этим. Делаешь как бы такое *ожерелье* из офигенских *камушков*, которые тебе попадают. Один *камушек* – йога. Другой – анапана. Третий – какое-нибудь там холотропное дыхание. Четвертый – адвайта. Книжки. Подкасты. Музыка. Ты *собираешь это все на свою нитку*, потому что хочешь быть самым красивым цветочком... Природа женщины – быть прекрасной... То же касается и *культурно-духовной бижутерии*.

Каждый элемент духовного развития человека (*йога, анапана, книжки, подкасты, холотропное дыхание* и т. п.) является *украшением* и поэтому уподобляется составляющей ожерелья – *бусине*, (драгоценному) *камушку*. Женщина *наводит марафет* и смотрит в духовное зеркало. Применение духовных практик сравнивается с деятельностью коллекционера – *собрать на нитку, собирать коллекцию*. Доминантой синонимического ряда прилагательных, характеризующих выбор каждой детали (*интересный, красивый, загадочный, крутой, няшный, звонкий, офигенский*), является слово *красивый* (усиливается также однокоренными словами *прекрасный, украшать*, фразеологизмом *наводить марафет*). В целом понятие уровня развития вербализуется выражениями *культурно-духовная*

бижутерия, виртуальная связка духовных сокровищ.

Процесс поиска смысла жизни и оказание внешнего влияния на человека представляется В. О. Пелевиным в виде физически активного действия – *копания лопатой*, но ограниченное тем, что человеку изначально указывается место, где *копать* (возникает ассоциация с расхожей пословицей *Вот где собака зарыта!* («[перевод нем. *da ist der Hund begraben*] (разг.) – в этом-то и заключается суть дела, вот в чем дело»⁷). Рассмотрим примеры:

Но мир давно научился ловить таких, как ты. Как только ты понимаешь природу загадки, вокруг тебя появляется *сто разных табличек с надписью* «Окончательная Эксклюзивная Разгадка Всего За Смешные Деньги». Ты подходишь *к одной из табличек*. Там, если коротко, стоит *лопата* – и инструкция «*копать сто лет*». Ну или *ждать сто лет*, пока все спонтанно *выкопается*, только не забывать жертвовать на храм... Все эти *таблички* – тоже часть лабиринта, элементы мирового обмана. Они существуют не для того, чтобы открыть тебе глаза, а для того, чтобы глубже спрятать тайну. <...> А когда ты повелась на *одну из этих табличек*, ты уже все как бы нашла. Ты получила *лопату и место, где рыть*, получила фотографию Мудрого Учителя, чтобы повесить над кроватью, и больше не можешь повторять свои детские «почему?» и «зачем?». Теперь надо *копать, копать, копать*, потому что тебе дали ответ... Вот мой папа. Он точно так же *копает лопатой*, только без всяких вопросов и ответов. Просто по денежно-макаронной части;

Можно говорить как угодно – «дух», «единая информационная сеть», «квантовый сознательный фактор» и как там еще. Все это просто *надписи на табличках, под которыми стоят лопаты*. Сколько *ни рой*, ничего не найдешь, кроме других *табличек*.

Глагол *копать* и его синоним *рыть* – процессные глаголы несовершенного вида, предполагающие результат, выражаемый глаголами совершенного вида (*выкопать/вырыть*), но в приведенных фрагментах подчеркивается различными языковыми средствами невозможность достижения результата,

⁷ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Яшурный. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us432902.htm> (дата обращения: 25.12.2021).

тщетность усилий: троекратное повторение глагола *копать*, указание на временной промежуток *сто лет*, употребление обобщенно-уступительного придаточного *сколько ни рой*. Глагол совершенного вида *выкопаться* передает страдательный залог, причем здесь без предполагаемого активного субъекта. Другим важным компонентом описываемой ситуации являются указатели, так называемые *таблички с надписями*, условно маркирующие место — цель духовного поиска. Их отличительными свойствами являются множественность и разнообразие (*сто разных табличек; одна из этих табличек; ничего... кроме других табличек*). Все эти таблички созданы с целью увести от истины. Ситуация схожа с описываемой в библейской книге пророка Иеремии: *Ибо между народом Моим находятся нечестивые: сторожат, как птицы целовы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей* (Иер. 5:26) (ср. с пелевинскими начальными строчками: *Но мир давно научился ловить таких, как ты*).

О невозможности познания мира свидетельствует и следующая развернутая кулинарная метафора:

[Кендра] — ...Они [«четыре истины»] доступны только благородным путникам. Как раньше говорили — ариям. А все остальное — и в древности, и сейчас — просто *торговля волшебными бубликами под веселые прибаутки*. — Почему *волшебными*? — спросила я. — Потому что они *состоят из одной дырки*, — ответила Кендра и засмеялась. — Но многие *едят эти дырки всю жизнь*. И нахваливают.

Здесь обыгрывается внутренняя форма фразеологизма *дырка от бублика* («разг. совсем ничего»⁸), или употребляется «фразеологический каламбур», как называет подобную языковую игру В. Н. Вакуров [Вакуров 1994: 41], при которой фразеологически связанное словосочетание коррелирует в одном контексте со свободным. Глаголы *торговать (бубликами)*, *есть (бублики)* непосредственно соотносятся со свободным словосочетанием, но прилагательное *волшебные*, требующее дополнительного разъяснения (*состоят из одной дырки*), обуславливает появление фразеологической единицы, которая в следующих предложениях: *Многие едят... И нахваливают* — помещается в контекст, характерный для

свободного словосочетания, однако «оторванный» от фразеологизма компонент *дырки* создает необходимый эффект, т. е. обосновывает бесполезность происходящей ситуации — поиска истины.

Опредмеченные (артефактные) метафоры поиска себя, своего места в жизни и ее понимания являются, с одной стороны, продолжением человека, его частью, ассоциируются с бусами, с другой стороны, навязанные извне идеи об истине и смысле жизни осознаются как бесполезный физический акт — копание земли на участке с указателем-табличкой или развернутой кулинарной метафорой *есть дырки от бублика*.

Особенности репрезентации внутреннего состояния человека и окружающего мира. Одним из традиционных метафорических способов описания человека является осмысление его в роли механизма. А. П. Чудинов, анализируя метафоры, характеризующие политического деятеля, отмечает, что артефактные метафоры (в частности, человек как механизм) устанавливают связи «на основе сопоставимости функций некоторых органов человеческого тела (и функций сознания) с частями машины»: сердце — мотор, мозг и голова — компьютер, глаза и уши — локатор и т. п. [Чудинов 2001: 168]. О. Н. Кондратьева пишет, что тип метафоры с исходной сферой «Артефакты» подвержен постоянному изменению, что связывается с техническим развитием общества, и, следовательно, с возникновением и исчезновением тех или иных предметов⁹. Активное вовлечение новых реалий в описание ситуаций можно проследить на примере смены одного типа политических преобразований — *перестройка* — на другой тип — *перезагрузка* [Кондратьева 2015].

Современные гаджеты и девайсы, компьютерные программы и интернет-каналы в романе В. Пелевина часто являются репрезентантами духовного состояния человека, отражением ментальных процессов или психического состояния.

Рассмотрим примеры, в которых метафорически описывается уровень духовного развития современного человека:

⁹ Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. С. 34.

⁸ СРПМ. С. 87.

Мы сегодня все такие — вместо того, чтобы инвестировать в носители типа религий или компакт-дисков, просто юзаем сервис типа «дизера» или «осознанности». Такой *нетфликс духа*, где все без исключения подписаны на индивидуальную избранность. Мы ведь все сегодня избранные, разве нет? <...> Мы действительно *духовные дети твиттера и нетфликса*;

Но кто тогда делает эту симуляцию? И для кого? На это ответов в моем *духовном нетфликсе* нет. Там вообще нет никаких ответов — *подписное облако* их не любит именно по той причине, что любая окончательная истина сама по себе есть *отдельный подписной сервис* и прямой конкурент *общей подписке*.

Чтобы разобраться в значении выражений *нетфликс духа/духовный нетфликс*, сравним их со схожими сочетаниями *пир духа/духовный пир* и предположим возможное влияние последнего на исходное — контаминацию. Если *пир*, как правило, связан с застольем, приемом пищи и праздником («празднество, торжество с обильным и роскошным угощением»¹⁰), то *пир духа (духовный пир)* предполагает «духовную пищу», т. е. то, что служит источником для духовного развития. В выражении *нетфликс духа*, в котором *нетфликс* (или *Netflix*) — это «американская развлекательная компания, стриминговый сервис фильмов и сериалов»¹¹, маркируются семы «развлекательность», «разнообразие», «сериальность», «поток», что в целом задает некий «нетфликовский» образчик духовности. Интересно, что несколько позже в романе автор использует выражение *марвел духа*:

Знаешь, кто перед тобой? Подстилки самой зловещей ветви информационного капитализма, позирующие в качестве *бесстрашных молодых героев*. Продажный *марвел духа*. Их главным продуктом является романтическая поза, полностью очищенная от всего, что она подразумевает. То есть от всего того, что делало эту позу романтической... —

в котором *марвел* (Marvel) — это компания, создавшая мир супергероев и суперлюдей (Люди Х, Человек-паук и т. п.). За этим выражением стоит также особый склад характера, отношения к миру и представления о нем.

За выражением *духовные дети нетфликса и твиттера* имплицитно возникает понятие *духовный отец*, или *духовник*, роль которого довольно велика в жизни духовного чада. В словосочетании В. Пелевина эксплицируется ценность виртуальной реальности, а именно интернет-каналов: ответы на возникающие вопросы *духовные дети* ищут на *нетфликсе* и в *твиттере*.

Духовность вербализуется через интернет-понятия, такие как *облако* (виртуальное хранилище информации в Интернете), *контент* (содержание веб-сайтов) и *подписка* (согласие на рассылку новостей сайтов):

В общем, получается, я действительно не верю ни во что. Наша *духовная подписка* подразумевает, конечно, существование неких вечных истин, но мудро оставляет их в тумане. Моя «*духовная сфера*» — это *информационное облако с постоянно обновляющимся контентом*, который, если разобраться, формирует за меня неизвестно кто. Но я уверена, что туда попадает только самое современное, модное и лучшее — как же иначе? Глупо даже задавать вопрос, во что я верю. Я не верю, я *подписана* вместе со всеми продвинутыми молодыми индивидуумами. На что? На *продвинутость*.

Как видно из примера, *духовная сфера* человека есть виртуальное хранилище информации, которое постоянно изменяется, пополняется извне в результате «подписки».

Отметим также, что интерпретация ментальных способностей человека происходит через уподобление их виртуальным средствам:

(1) Нет, все понятно. Я на самом деле не забыла, а просто переместила информацию в *подсознательный буфер*, а крик вороны сработал как триггер;

(2) Мой *информационный буфер* переполнился, мне захотелось побродить одной, и я отпустила Мехмета до завтра;

(3) В общем, весь Пропп и Кропоткин в одном флаконе... Неудивительно, что с такими *заложенными в сознание скриптами*...;

¹⁰ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: П—Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 124 (MAC) [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma312413.htm> (дата обращения: 25.12.2021).

¹¹ Netflix [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Netflix> (дата обращения: 25.12.2021).

(4) Я бы сказала, что это [изменения при медитации] похоже на *переформатирование винчестера* — все мысли и гештальты, всплывающие из подсознания в эту допаминово-электрическую дрожь, просто *стираются* или серьезно *ослабляются*.

В техническом языке *буфер обмена* в компьютере (на телефоне и т. д.) представляет собой временное хранилище информации, которое предназначено для ее переноса или копирования, *скрипты* (сценарий) — «это последовательность действий, описанных с помощью скриптового языка программирования»¹², *переформатирование* диска всегда связывается со *стиранием* существующей на нем информации. В первом высказывании ментальное действие, как правило, происходящее независимо от воли человека, его сознания, героиня выполняет сама таким же образом, каким обычно копируется или переносится цифровая информация на гаджетах. Представление о содержащейся в голове информации (в форме мыслей, гештальтов) как об отдельных файлах/программах (скриптах) делает возможными такие действия, как *переместить* (информацию), *стереть* (переформатировать), *заложить скрипты*, *переполнить(ся)*.

В. О. Пелевин в своих произведениях часто пишет о мире как о симуляции. Роман «Непобедимое Солнце» не является исключением, и описания реального мира содержат гаджет-интерпретацию его виртуальности. Рассмотрим примеры:

(1) Представление о мире как о видимом человеком части:

— Я верю... — я замялась. — Я считаю, что мы живем в виртуальной реальности... — Мы все работаем у бога *штативами для селфи*. Бог доверяет тебе видеть за него *твой участок реальности*. Как бы работать на специально выделенной грядке.

(2) Реальный мир — иллюзия:

...веры в то, что *весь наш мир — виртуалка, кровавая VR-игра* для извращенцев из другой Вселенной. Вопрос о боге, таким образом,

решать должны не мы, а создавшие *виртуальную реальность* космические извращенцы — с нас-то какой спрос, раз *мы просто ихняя плейстейшн*;

— *Проектор* — это компьютер, выводящий на экран нас и все остальное. Я не знаю, где он, что он такое и кто его хозяин. Но *на десктопе нашего мира есть иконка*, позволяющая им *управлять*. Такой черный треугольник, по которому можно *кликнуть мышью*;

— ...Я, знаете, всегда допускала, что наш мир — *подобие компьютерной симуляции*.

В первом примере человек сравнивается со *штативом для селфи*, с помощью которого маркируется видимая часть окружающего человека мира. Во второй группе примеров реальность представляется как *виртуалка*, *компьютерная симуляция*, рабочий стол (*десктоп*) или как *плейстейшн*. В любом случае люди не управляют жизнью и не являются ее независимыми распорядителями. Одним из ключевых понятий романа является метафора проектора «Непобедимое Солнце», который может быть управляем человеком, именуемым *Soltator*, через камень — *иконку на десктопе* мира: пока проектор работает, мир существует:

Проектор «Непобедимое Солнце», одушевленная машина, порождающая человеческий план реальности, делает то, что ни один из земных проекционных аппаратов не в силах разрешить: выбирает одну из иллюзорных фигурок и дает ей пуль управления иллюзией.

В романе употребляется сравнение человека с нитью как частью не видимого им рисунка в ткани мира. *Soltator* способен распустить эту ткань и создать мир заново:

Мир наш похож на такую ткань, где мы — нити. В том смысле, что каждый человек, или зверь, или дух живет и сражается так, словно дело в нем, но сами по себе существа бессмысленны. Есть только ткань, куда они вплетены как части — полотно пестрое, яркое и страшное, не видимое и не внятное целиком никому, кроме бога. Для богов же это игра.

Таким образом, источником метафор и сравнений, объясняющим умственные способности, духовное состояние и окружающий человека мир, является техническая сфера, в частности компьютерная, различные гаджеты и девайсы, а также их комплектующие.

Выводы. В романе В. О. Пелевина «Непобедимое Солнце» компаративные тропы с семантикой духовного развития, поиска

¹² Словарь терминов интернет-рекламы и SEO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russianpromo.ru/wiki/script/> (дата обращения: 25.12.2021).

смысла жизни и представления об окружающей действительности часто обусловлены культурным «контекстом» человека, так как сферой-источником для них является современная техническая сфера. Представление о мире как о симуляции интерпретируется посредством гаджетов и девайсов, создающих виртуальную реальность.

Метафоры могут быть и «классического» характера, такие как персонификация, гастрометафоры и артефактные (предметные).

С одной стороны, сам человек, его внутренний мир (в частности, ментальные способности и процессы) и окружающий его макрокосм представляются ирреальными и репрезентируются виртуальными гаджетами и их комплектами, а также процессами, подобными компьютерным (перенос и стирание информации, перформативное и т. п.). Потусторонний мир, его создатель и боги воплощаются с помощью проектора «Непобедимое Солнце». В любом случае все материальное является иллюзией и симуляцией.

С другой стороны, поиск пути, роль человека, его действия материализуются артефактными (в особенности кулинарными) метафорами, а место человека определяется как нить в узоре на ткани мира. Такое двойственное миропонимание и определение места человека в мире является типическим, идиостилевым для В. О. Пелевина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).
2. Вакуров В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике // Русская речь. 1994. № 6. С. 40–47.
3. Димитриева О. А. Компаративные тропы в осмыслении ситуации винопития в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: материалы Международной научной конференции / под общ. ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. М.: Аквилон, 2021. С. 55–68.
4. Иванова Е. Е. Языковая игра В. Пелевина // Проблема жанра и стиля в литературе и фольклоре: сб. науч. тр. Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. С. 21–29.
5. Иванова Н. Ю., Черникова Н. В. Жаргонно-арготический дискурс в романе В. О. Пелевина «Generation “П”» // Наука и Образование. 2019. Т. 2, № 2. С. 55.
6. Ключерова А. О. Метафора в произведениях А. С. Грина как средство создания миров // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: материалы VI международной научно-практической конференции / под ред. В. С. Артемовой, Н. А. Сальниковой, Е. А. Цыганковой. Брянск: БГИТУ, 2018. С. 59–64.
7. Кондратьева О. Н. «Перестройка» и «перезагрузка»: метафоры преобразований в политической коммуникации (опыт лингвокогнитивного анализа) // Политическая лингвистика. 2015. № 4(54). С. 32–39.
8. Надозирная Т. В. Снаф как метафора реальности в романе В. Пелевина «S. N. U. F. F.» // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные исследования. 2015. № 4(8). С. 40–43.
9. Михеева С. Л. Метафора как средство создания многомерного художественного мира (на основе романа В. Пелевина «Шлем ужаса») // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: материалы Международной научной конференции / под общ. ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. М.: Аквилон, 2021. С. 117–129.
10. Молнар А., Николина Н. А. Типы и функции компаративных тропов в современном прозаическом тексте (на материале рассказа Л. Улицкой) // Slavica. 2019. Т. 48. С. 96–100. <http://doi.org/10.31034/048.2019.07>.
11. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы // Русская речь. 2021б. № 1. С. 72–83. <http://doi.org/10.31857/S013161170013907-6>.
12. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы // Русская речь. 2020. № 4. С. 93–104. <http://doi.org/10.31857/S013161170010740-3>.
13. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Новые тенденции употребления метафор и сравнений, включающих кулинарную лексику, в современной русской прозе // Slavica. 2021а. Т. 50. С. 211–224. <http://doi.org/10.31034/050.2021.22>.
14. Николина Н. А., Петрова З. Ю. Система компаративных тропов в романе Е. Водолазкина // Slavica. 2019. Т. 48. С. 101–111. <http://doi.org/10.31034/048.2019.08>.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

REFERENCES

1. Baranov A. N. Metaphors in A. Platonov's novels "Chevengur" and "Happy Moscow" [Electronic resource]. URL: <https://www.lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf> (accessed: 25.12.2021). (In Russ.)
2. Vakurov V. N. Phraseological pun in modern journalism. *Russkaya rech = Russian Speech*. 1994;6:40–47. (In Russ.)
3. Dimitrieva O. A. Comparative tropes in understanding the situation of drinking wine in V. Pelevin's novel "Love for Three Zuckerbrins". *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Metaphorical picture of the world of modern artistic prose: materials of the International Scientific Conference* / Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva (eds.). Moscow: Akvilon, 2021. P. 55–68. (In Russ.)
4. Ivanova E. E. V. Pelevin's language game. *Problema zhanra i stilya v literature i folklоре: sb. nauch. tr. = The problem of genre and style in literature and folklore. Collection of works*. Kurgan: Kurgan State University, 2011. P. 21–29. (In Russ.)
5. Ivanova N. Yu., Chernikova N. V. Jargon-argotic discourse in V. O. Pelevin's novel "Generation 'P'". *Nauka i Obrazovanie = Science and Education*. 2019;2(2):55. (In Russ.)
6. Klyucherova A. O. Metaphor in the works of A. S. Grin as a means of creating worlds. *Voprosy sovremennoi filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam: materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Questions of modern philology and problems of methods of teaching languages: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference* / V. S. Artemova, N. A. Salnikova, E. A. Tsygankova (eds.). Bryansk: BSITU, 2018. P. 59–64. (In Russ.)
7. Kondrat'eva O. N. "Perestroika" and "Reboot": Metaphors of Transformations in Political Communication (Linguistic and Cognitive Analysis Experience). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2015;4(54):32–39. (In Russ.)
8. Mikheeva S. L. Metaphor as a means of creating a multidimensional artistic world (based on the novel by V. Pelevin "The Helmet of Horror"). *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Metaphorical picture of the world of modern artistic prose: materials of the International scientific conference* / Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva (eds.). Moscow: Akvilon, 2021. P. 117–129. (In Russ.)
9. Molnár A., Nikolina N. Types and functions of comparative tropes in contemporary prose texts (as represented in L. Ulitskaya's Short Story "The Queen of Spades"). *Slavica*. 2019;48:96–100. (In Russ.) <http://doi.org/10.31034/048.2019.07>.
10. Nadozirnaya T. V. Snaf as a metaphor for reality in V. Pelevin's novel "S. N. U. F. F.". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2015;4(9):40–43. (In Russ.)
11. Nikolina N., Petrova Z. Yu. Gastronomic vocabulary in comparative constructions of modern Russian prose. *Russkaya Rech = Russian Speech*. 2021b;1:72–83. (In Russ.) <http://doi.org/10.31857/S013161170013907-6>.
12. Nikolina N., Petrova Z. Yu. Metaphors of Everyday Speech in Modern Russian Prose. *Russkaya Rech = Russian Speech*. 2020;4:93–104. (In Russ.) <http://doi.org/10.31857/S013161170010740-3>.
13. Nikolina N., Petrova Z. Yu. New trends in the use of metaphors and similes in names of food in modern Russian prose. *Slavica*. 2021a;50:211–224. (In Russ.) <http://doi.org/10.31034/050.2021.22>.
14. Nikolina N., Petrova Z. Yu. The system of comparative tropes in "Aviator", a novel by E. Vodolazkin. *Slavica*. 2019;48:101–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.31034/048.2019.08>.
15. Chudinov A. P. Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2001. 238 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Альбертовна Димитриева, кандидат филологических наук, доцент

Olga A. Dimitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 10.04.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 10.04.2022.